

Ингрида Киселюте

Вильнюсский университет

Филологический факультет

Universiteto g. 5, LT-01513 Vilnius, Lietuva

E-mail: kisieliute.ingrida@gmail.com

Область научных интересов автора: новая экономическая критика

ЛИТЕРАТУРА И ЭКОНОМИКА: ЕЩЕ ОДИН СПОСОБ ПРОЧТЕНИЯ ТЕКСТА

В конце XX века появились новые методы изучения литературы, такие как биопоэтика, геопоэтика, новый историзм и т.д. Среди них появился и новый подход к литературному тексту – новая экономическая критика, зародившаяся в США в конце XX века. В статье обсуждаются главные аспекты данного направления в изучении литературы, представлены возможные способы анализа литературного текста с точки зрения экономической науки. Новая экономическая критика не ставит перед собой задачи стать методом или направлением в изучении литературы, давая свободу исследователю выбирать свой взгляд на связи между литературой и экономикой¹. Подобного рода исследования чаще можно найти в англоязычных странах, тем не менее, и в России литературоведы делают попытки посмотреть на русскую литературу глазами «экономиста». В Литве подобного рода исследований пока как будто бы нет. В статье предлагается один из возможных экономических подходов к анализу литературного текста, а именно: экономика в литературе на примере анализа финансовых практик главного героя романа Ф. М. Достоевского «Игрок». Проведенный анализ этого произведения при помощи метода НЭК позволил, как представляется, выявить новые смыслы в тексте и предложить свой вариант их толкования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новая экономическая критика, деньги, Достоевский.

Новую экономическую критику² (New Economic Criticism) можно считать одним из новейших явлений в методологии литературы. Правда, по мнению М. Гронаса, НЭК – это «не общий метод, тезис или взгляд на мир, а скорее общий интерес» (Гронас 2002: 7). Поэтому вряд ли НЭК можно считать методом или направлением, к тому же она и не ставит перед собой задачи стать школой литературоведения.

Первая встреча специалистов по НЭК в 1991 году состоялась по инициативе организации MMLA (Midwest Modern Language Association = Средне-западная ассоциация современных языков) в Чикаго. Во время этой встречи и была представлена секция под названием «Новая экономическая критика». В сборнике статей “The New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics” (1999), изданном по материалам этой встречи в 1994 году, его составители Марта Вудманси (Martha Woodmansee) и Марк

¹ Обзор статей по новой экономической критике, как и сами статьи, см. НЛО 2002 № 58.

² В дальнейшем – НЭК.

Остин (Mark Osteen) стремились объяснить мотивы, по которым, на их взгляд, связь между экономикой и литературой может представлять интерес для исследователей литературных произведений, открывая в них новые смыслы. Однако составители сборника не предложили определения экономической критики. Они сразу ознакомили читателя с новыми подходами к изучению литературы. Первый подход в рамках НЭК под названием *производство (Production)* предполагает изучение «личных взглядов автора на деньги, его финансовых практик, доходов авторов от творческого труда, позиции в пределах рынка»³ (The New Economic Criticism 1999: 29). Под *производством* понимаются все денежные операции, которые окружают автора во время создания конкретного текста. Второй подход – *внутренняя циркуляция (Internal circulation)* – «использует формалистические методы, анализирующие внутреннюю или интра-текстуальную “экономику” текста или текстов»⁴ (The New Economic Criticism 1999: 30). В рамках данного подхода анализируются действия персонажей, связанные с деньгами, обменом, долгами, покупками, потерями, подарками и т. д. Третий – *внешняя циркуляция и потребление (External circulation and consumption)*, в котором главный акцент делается на проблеме продажи или издания литературных произведений. В его рамках анализируются «изменяющаяся

динамика эстетической ценности, роль авторов как знаменитостей или товаров»⁵ (The New Economic Criticism 1999: 31). И последний – *метатеоретический (Metatheoretical)* – подход заключается в рассмотрении употреблений экономических терминов в литературном тексте⁶ (The New Economic Criticism 1999: 32).

Михаил Гронас, впервые в 2002 году представляя НЭК в России в журнале «Новое литературное обозрение», ставит ее в один ряд с новым историзмом и *cultural studies*. По мнению исследователя, «если новые историки пытались – чаще всего безуспешно – сформулировать что-то вроде общей методологии, новые экономисты не слишком этим озабочены» (Гронас 2002: 7). Гронас выделил три основных вектора интересов экономической критики: «экономика литературы», «экономика в литературе» и «между литературой и экономикой» (Гронас 2002: 11). Автор мотивирует такое выделение векторов «удобством изложения, чтобы представить входящие в подборку статей и проблематику направления в целом» (Гронас 2002: 7).

Главным представителем в использовании метода НЭК в России является профессор Московского государственного университета М.С. Макеев⁷. Основной

³ “An individual author’s views about money, his/her financial practices, profits from artistic labors, positioning within the marketplace”. (здесь и дальше перевод с английского и литовского языков мой – И. К.).

⁴ “Such criticism uses formalist methods to analyze the internal or intratextual „economies“ of a text or texts”.

⁵ “This form of economic criticism focuses on such issues as the market forces at work in canonization; the selling or publicizing of art or literature; the changing dynamics of aesthetic value; the condition of authors or artists as commodities and celebrities, and so on”.

⁶ “A related danger is that overuse will empty such terms of their economic meanings and hence of their instrumental value. It is thus essential for economic criticism to continue to refine and justify its use of economic terms – to ask why, for example, one uses „economy“ instead of some other term”.

⁷ Выражаю глубокую признательность и благодарность за помощь и поддержку профессору М. С. Макееву.

его работой является книга «Некрасов: поэт и предприниматель» (2008). В предисловии к книге способы анализа литературного текста с экономической точки зрения, предложенные американскими исследователями, Макеев уменьшил до двух: «воздействие экономики на собственно писательскую практику» и «воздействие экономики на сферу «непроизводственную» – околослитературную, сферу суждений о литературе, сферу «эстетики» (Макеев 2008: 6).

Как представляется, российские критики или исследователи, работающие в рамках НЭЖ, идут к объединению подходов, предложенных американскими учеными. И это вполне объяснимо, поскольку в российской литературной критике уже давно сложилась традиция указывать, в каком журнале впервые было опубликовано то или иное произведение, отмечать внешнее воздействие на его создание и издание. Проблема отслеживания продажи произведений только сначала может показаться трудно разрешимой. Благодаря труду А. И. Рейтблата «От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века» (1991) появилась возможность узнать, какие произведения пользовались популярностью в то или иное время, какие гонорары получали писатели в описываемый период. Таким образом, новым и необычным может показаться «метатеоретический подход» (анализ использования экономических терминов в литературном произведении). Однако то, что мы назвали «новым и непривычным», таким ведь является лишь отчасти.

В действительности, русское литературоведение не раз упоминало об экономических вопросах, затрагиваемых в ли-

тературном тексте, равно как и прибегало к экономическим терминам. Например, в комментарии Д. Благого к пушкинскому «Евгению Онегину» приводится строка из этого произведения: «Отец понять его не мог и земли отдавал в залог». Автор комментария подчеркивает, что Пушкин «отмечает проникновение денежных, капиталистических отношений в русское крепостническое хозяйство» (Пушкин 1960: 534). Такого рода информация свидетельствует о том, что экономические отношения, отражаемые в тексте, были значимы для исследователей литературы.

В связи с данным вопросом также можно вспомнить и гоголевскую поэму «Мертвые души». В ней Чичиков покупает мертвые души, которые в то время в России назывались «убылыми» душами⁸. Большинство современных читателей полагает, что «мертвые» души – это существующее в XIX веке обозначение умерших крестьян. Но уже современники Гоголя обратили внимание на переименование автором самого явления «убылых» душ. Друг Гоголя, профессор Московского университета М. П. Погодин в письме автору «Мертвых душ» писал: «Мертвых душ» в русском языке нет. Есть души ревизские, приписанные, убылые, прибылые...» (Энциклопедический словарь). Замена для обозначения уже закрепившегося экономического термина и внимание к этой замене, как нам кажется, тоже может заинтересовать критиков, придерживающихся экономического метатеоретического подхода.

В целом, НЭЖ, насчитывающая около двадцати лет своего существования на

⁸ Подробнее: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Библиотекарь.Ру. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/12/49.htm> [См. 20.01.2014].

Западе, пока не нашла широкого применения в российском литературоведении. Вероятно, этот метод приживается с трудом потому, что его считают непродуктивным для анализа содержательного и формального аспектов текста, что существует некая боязнь нарушить сложившуюся традицию анализа литературного текста.

В англоязычных странах существует немало сторонников метода НЭК, и с каждым годом растут ряды ее последователей. Дэвид Зиммерманн (David Zimmermann), профессор Висконсинского университета в Мэдисоне предложил список книг⁹, которые объединяют литературоведение и экономику. Сделать то же самое в отношении исследований о русской литературе с позиций экономики представляется весьма затруднительным¹⁰. Но если мы зададимся вопросом о том, кто из русских писателей мог стать объектом НЭК в первую очередь, то ответ будет очевидным – это Ф.М. Достоевский.

Имя Достоевского как автора многочисленных творений в сознании многих знатоков его творчества связано с темой денег, и объяснение этого явления кажется уже излишним. Писатель никогда не отрицал, что он писал ради денег, и их отсутствие его мучило на протяжении всей жизни. В письме к М. Н. Каткову Достоевский писал: «Работа для денег и работа для искусства – для меня две вещи несовместные. Все три года моей

давнишней литературной деятельности в Петербурге я страдал через это. Лучшие идеи мои, лучшие планы повестей и романов я не хотел профанировать, работая поспешно и к сроку. <...> Но, быв постоянно должен А. А. Краевскому (который, впрочем, никогда не вымогал из меня работу и всегда давал мне время), – я сам был связан по рукам и по ногам» (Достоевский 1983: 296). Очевидно, постоянные финансовые проблемы Достоевского не могли не отразиться в его творчестве.

В произведениях Достоевского очень часто речь идет об определенных суммах денег. В его текстах встречаются иногда точные цифры, а иногда указывается лишь приблизительная цена чего-либо. Деньги упоминаются в произведениях Достоевского неоднократно, поэтому возникает вопрос, могут ли эти суммы денег предложить читателям дополнительную информацию о герое или произведении в целом?

Самый резкий контраст между денежными суммами (от невероятно высоких до нескольких копеек) встречается в произведениях писателя 60-х годов: скрупулезно сосчитаны копейки в «Преступлении и наказании»; представлена разная валюта и игра на деньги в «Игроке»; в «Идиоте» всем известна попытка купить любовь Настасьи Филипповны за сто тысяч. Какую же функцию деньги выполняют в этих романах? На данном этапе мы не можем проанализировать все названные романы, поэтому остановимся на «Игроке» и предложим свой экономический анализ этого романа, с попыткой применить подход внутренней циркуляции¹¹.

⁹ ZIMMERMANN D. *American Capitalism and Its Discontents, Literary Studies Bibliography*. Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:79c5yIVaokIJ:www.arts.manchester.ac.uk/cultureofthemarket/teaching/fileuploadmax10mb,181738,en.doc+&cd=1&hl=lt&ct=clnk&gl=lt> [См. 14.10.2014].

¹⁰ Основные исследования, которые нам известны, упомянуты в статье.

¹¹ Роман «Игрок» в экономическом ключе уже привлекал внимание исследователей. В основной работе Г. Карпи «Достоевский – экономист: Очерки по социологии литературы» (2012) исследова-

«Игрок» (1866 г.) – роман, возникший непосредственно по «денежной причине» – из-за сделанных долгов в рулетку Достоевский обязуется перед издателем Стелловским написать роман в кратчайшие сроки, иначе он лишается прав на издание своих произведений сроком на 9 лет. Договор Достоевского со Стелловским уже давно вошел в каждый комментарий к этому произведению как *производственный* аспект создания текста. Писатель шел на огромный риск, а издатель был уверен в своем успехе. Героем нового романа Достоевский делает одержимого страстью к игре человека.

«Игрок» для нас интересен своей *внутренней* экономикой: в нем указываются точные суммы выигрыша у игроков в Рулетенбурге. Важно, что Достоевский в этом романе показывает весь спектр существовавшей в то время валюты (рубли, флорины, гульдены, фридрихсдоры, франки и фунты), которая использовалась в Европе¹². В романе иногда встречаются указания и на сами курсы валюты, т.е. рассказчик сам переводит заграничную валюту на рубли («– Да-с, вот взяла да и выиграла двенадцать тысяч флоринов! Какое двенадцать, а золото-то? С золотом почти что тринадцать

выйдет. Это сколько по-нашему? Тысяч шесть, что ли, будет? Я доложил, что и за семь перевалило, а по теперешнему курсу, пожалуй, и до восьми дойдет») (Достоевский 1989: 656)¹³ или на другую валюту («– Полина, вот двадцать пять тысяч флоринов – это пятьдесят тысяч франков, даже больше») (692).

Писатель неоднократно бывал в Баден-Баден для того, чтобы посетить игорные дома. Поэтому он наверняка знал, сколько денег можно выиграть или проиграть в рулетку. Исследователями не раз отмечалась биографичность романа «Игрок», и сомневаться в денежных подсчетах главного героя, думается, не стоит.

Итак, как же игра воспринимается главным героем романа Алексеем Ивановичем? Для него в первый раз в игорном зале все показалось «нравственно скверно и грязно» (594). Но он не видит ничего плохого в желании выиграть деньги: «Я решительно не вижу ничего грязного в желании выиграть поскорее и побольше; <...> Что для Ротшильда мелко, то для меня очень богато, а насчет наживы и выигрыша, так люди и не на рулетке, а и везде только и делают, что друг у друга что-нибудь отбивают или выигрывают» (594–595). Игра воспринимается им, как и любая другая деятельность: «И почему игра хуже какого бы то ни было способа добывания денег, например, хоть торговли? Оно правда, что выигрывает из сотни один. Но – какое мне до того дело?» (594). Получается, что для героя романа не важно, выиграет он или нет, он не рассчитывает на свой выигрыш.

Петер Бендиксен (Peter Bendixen), профессор Гамбургского университета,

тель, говоря об «Игроке», отмечает связь между деньгами, агрессией и сексуальностью. Немецкий филолог Ю. Шталь в работе «Роль денег в философии Достоевского: “Игрок” и “Братья Карамазовы”» (2005 г.) рассматривает тему денег как связующее звено «любовных» отношений героев этого романа. К тому же автора интересует само философское понятие денег, а не их количество и функция во внутренней экономике произведения.

¹² Любопытно, что даже техники-программисты интересовались «Игроком» в аспекте обыгрывания валюты и интереса, много или мало герои проигрывали-выигрывали, играя в рулетку. *Курс рубля в конце XIX века. Radiomonitor*. Режим доступа: <http://radiomonitor.ru/db/content/view/692/16/> [См. 05.01.2013].

¹³ Дальше страницы из этого произведения будут указываться в тексте.

в статье «Культурный фундамент экономики – выводы для культуры политики и культуры менеджмента» пишет, что экономика всегда основывается на культуре. Автор говорит о торговле в античном мире: «в античные времена торговцы причислялись к низкому слою общества, не имеющему этоса, достойного внимания»¹⁴ (Bendixen 2008: 76). Возможно, именно это могло бы объяснить и отношение героя романа к самому игорному дому, и сравнение торговли с игрой в рулетку.

Рулетка, как известно, не дает гарантии выигрыша-прибыли; угадать или просчитать, когда ставка окупится, невозможно. Процесс торговли также не предполагает точной прибыли, потому что инвестиции на один или несколько товаров должны быть обоснованными, иначе потраченные средства не окупятся. Алексей Иванович тоже рассуждает по поводу сходства между торговлей и игрой в рулетку. На первый взгляд его рассуждения кажутся нелогичными. Но потом выясняется, что его мысль о сходстве двух очень разных видов деятельности, связанных с получением прибыли, не является столь уж далекой от экономики.

Как известно, процесс производства любого товара определяет его цену: чем меньше времени тратится на изготовление, тем меньше стоимость продукта. В рулетке, в свою очередь, шарик крутится недолго, и остается только надеяться, что шарик остановится именно на той цифре, на которую поставлены деньги. Как и в торговле – купит покупатель товар или нет – неизвестно, если не отводится время на получение сведений о потребностях социума. Поэтому можно

предполагать, что главный герой понимает: игра в рулетку не требует большого труда, поэтому не нужно надеяться на всегдашний выигрыш.

В описании игры нас интересует, какую сумму должен выиграть герой, чтобы почувствовать себя победителем? Коротко напомним этот эпизод.

Выиграв для Полины¹⁵ сто тысяч¹⁶ флоринов (по курсу, который дан в романе, выходит, что это двести тысяч франков, или приблизительно шестьдесят четыре тысячи рублей¹⁷), Алексей Иванович радостно возвращается домой. Правда, он волнуется, чтобы его по дороге не обокрали. Выигранные деньги главный герой хочет отдать Полине, но она, как известно, их не принимает. На следующее утро вся гостиница уже знает о его крупном выигрыше, и в городе начинают распространяться слухи, что Алексей Иванович выиграл больше, чем это было на самом деле. Его друг англичанин спрашивает о выигрыше:

– А правда ли, что вы вчера выиграли двести тысяч талеров?

– Всего только сто тысяч флоринов (697).

Этот ответ мог бы и не привлекать нашего внимания, если бы в словах героя не подразумевалось, что он выиграл недостаточно. Этим подтверждается

¹⁵ Исследователи творчества Достоевского (Г. Карпи, К. Мочульский, Р. Г. Назиров) в данном романе в первую очередь обращают внимание на связь денег с любовью. Образ Полины из «Игрока» исследователи склонны считать началом появления в творчестве Достоевского образов фатальной женщины, таких как Настасья Филипповна или Грушенька.

¹⁶ Как мы помним, в следующем романе «Идиот» сумма в сто тысяч, только в рублях, будет предложена за Настасью Филипповну.

¹⁷ Говоря о курсе валют в романе, мы доверяем конвертации, предоставленной самим текстом романа.

¹⁴ „Antikos laikais prekeiviai buvo laikomi žemuoju sluoksniu, neturinčiu dėsensio verto etoso“.

жизненная истина, что всякие деньги являются большими, пока не знаешь о существовании куда большей суммы.

По тексту романа видно, что на свой выигрыш главный герой прожил в Париже больше трех недель. Он потратил сто тысяч франков, это тридцать две тысячи рублей. Для сравнения можно сказать, что годовой бюджет чиновников в России во второй половине XIX века составлял около 1400 рублей в год¹⁸ (Зайончковский 1978: 81). Поэтому можно сделать вывод, что выиграна была огромная сумма, на которую герой в России мог бы беззаботно прожить около двадцати лет! Интересно, что сам Достоевский именно сто тысяч считал крупным, желанным выигрышем. В одном из писем своей свояченице В. Д. Констант он писал: «Да Вы что думаете? Ведь выиграл, а не проиграл; хоть не столько выиграл, сколько хотел, не 100 000, а все-таки некоторую маленькую капелючку выиграл» (Достоевский 1985:40).

Автор «дает возможность» главному герою своего романа выиграть именно такую сумму во флоринах. Но, несмотря на это, выигрыш не приносит Алексею Ивановичу счастья. Деньги герой бессмысленно тратит в Париже. Герой «Игрока» в данном случае не просто отдает деньги, он бессмысленно тратит их, причем не для себя, а, как видно по тексту романа, ими распоряжается главным образом чужой для него человек –

mademoiselle Blanche. Когда деньги уже не могут быть использованы героем для важной ему цели (в данном случае для Полины), они просто теряют для него всякую значимость. Для Алексея Ивановича деньги – это всего лишь игра, перед которой он не может устоять.

Когда все выигранные деньги у главного героя заканчиваются, он возвращается, по его словам, туда, где все и началось, – в Рулетенбург. Парадоксально, но игра на меньшую сумму, которую он получает по возвращении в Рулетенбург в подарок от своего друга Астлея, ему приносит куда больше счастья, чем игра на большие деньги. Это подтверждают и последние слова игрока в романе:

Я поставил этот гульден на тапие (тот раз было на тапие), и, право, есть что-то особенное в ощущении, когда один, на чужой стороне, далеко от родины, от друзей и не зная, что сегодня будешь есть, ставишь последний гульден, самый, самый последний! (720).

Выходит, что весь смысл действий главного героя заключается только в самой игре, только в ощущении свободы и в азарте, а не в желании выиграть как можно больше денег.

Рулетка была запрещена как в России, так и во Франции. По воспоминаниям юриста А. Ф. Кони, в России были попытки содержания нелегальных игорных домов в квартирах. За содержание игорных заведений налагались большие штрафы, а также такая нелегальная деятельность сопровождалась конфискацией выигранных денег и приобретенных вещей¹⁹. Но, как известно, запретный плод сладок.

¹⁸ В книге историка П. А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России XIX века» мы находим информацию о бюджете различных чиновников, которые жили, по определению историка, «на широкую ногу» в 1857 году. К сожалению, год, который нас интересует в данном ключе, не анализируется. Но автор отмечает, что «условия жизни и во второй половине века, в частности в 70–80-х годах, остались примерно на том же уровне».

¹⁹ Подробнее: КОНИ А. Ф. *По делу об игорном доме штабс-ротмистра Колемина*. Библиотека Максима Мошкова. Режим доступа: http://az.lib.ru/k/koni_a_f/text_0670.shtml [См. 06.03.2014].

Например, в воспоминаниях барона Н. Е. Врангеля²⁰ есть несколько мыслей, касающихся рулетки: «Иногда я неделями не выходил из своей комнаты, <...> пускался в различные приключения или отдавался, не в состоянии контролировать себя, игре в рулетку. Игра все сильнее затягивала меня. В какой-то момент я возвращался в Петербург, но только для того, чтобы опять уехать за границу, потом опять возвращался и опять уезжал» (Врангель). Из этого следует, что для многих русских выезд за границу для азартной игры в XIX веке был одновременно и отдыхом, и развлечением, удовлетворением сильнейших страстей.

Достоевский в 60-е годы также выезжал за границу под предлогом лечения «на воды». Под таким же предлогом в Рулетенбург в романе приезжает и бабушка, *la bobulinka*, которая тратит в игре в рулетку все, что привезла с собой. Для Алексея Ивановича также настоящая игра возможна только тогда, когда она дает чувство свободы, а не бесцельный огромный капитал.

Если мы обратимся к функции денег в романе с точки зрения реальной финансовой ситуации в России, то увидим, что в произведении писателя существует своя собственная финансовая система. Поэтому постараемся коротко представить доходы и расходы главного героя романа.

В начале романа Алексей Иванович получает от Генерала свои заработанные деньги: «Как же мы сосчитаемся, – заго-

ворил он, – надо переводить на талеры. Да вот возьмите сто талеров, круглым счетом, – остальное, конечно, не пропадет. Я молча взял деньги» (586).

Генерал должен был выдать Алексею Ивановичу сто двадцать рублей. Но когда Генерал деньги перевел на талеры, то герою досталось только сто талеров²¹. Дальше в романе рассказывается о том, что герой располагает разными суммами денег и что в Париже он тратит весь выигрыш в сто тысяч гульденов. Вернувшись в Рулетенбург, он встречает Астлея, который на прощание тоже дает ему деньги: «Вы, конечно, нуждаетесь в деньгах? Вот от меня вам десять луидоров, больше не дам, потому что вы их все равно проиграете. Берите и прощайте! Берите же!» (719). По последним фрагментам романа нетрудно догадаться, что Алексей Иванович опять идет играть в рулетку, как и предсказывал Астлей.

Один талер в 60-е годы XIX века был равен полутора гульденам²². Таким образом, в начале произведения мы видим героя, у которого, по нашим подсчетам, в кармане было сто пятьдесят гульденов, только в талерах. Последние фразы в романе тоже раскрывают, сколько точно денег осталось у главного героя: «Я выиграл, – говорит он, – и через двад-

²¹ «Талер – название крупной серебряной монеты, которая в XVI–XIX веках играла важную роль в денежном обращении Европы и в международной торговле». *The European Centre of Academic Exchange*. Режим доступа: http://studytoeu.com/index.php/goroda-i-university/gliwitse#_ftnref1 [См. 25.11.2013].

²² “1 Thaler = 1 ½ Austrian Gulden”. *Gliwice (Gliwice). A European Central Bank?: Perspectives on Monetary Unification After Ten Years of the EMS*, *Google Books*. Режим доступа: http://books.google.lt/books?id=PIwv2HSWo5AC&pg=PA195&hl=lt&source=gbgbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false [См. 25.11.2013].

²⁰ Барон Николай Егорович Врангель (1847–1923) – коммерсант, коллекционер, доктор филологии, председатель и член правлений нескольких акционерных обществ. Отец генерала Петра Николаевича Врангеля. *Либрусек*. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/a/39710> [См. 07.03.2014].

цать минут вышел с воксала, имея сто семьдесят гульденов в кармане» (720). Получается, что в конце романа у героя было на двадцать гульденов больше, чем вначале. Итак, герой не только ничего за время игры в рулетку и на протяжении всего романа в целом не потерял, но даже выиграл.

Если бы не деньги Астлея, то главному герою в конце романа не на что было бы играть и вновь наслаждаться надеждой на выигрыш. Но в романе герой никакого убытка не понес. Весь сюжет «Игрока» становится лишь одним жизненным эпизодом, в начале и в конце которого мы видим Алексея Ивановича располагающим совсем незначительной суммой денег и совершенно свободным²³. Во многих исследованиях Алексей Иванович трактуется как персонаж, который терпит в этом романе крушение. Таким образом, прочтение романа по-новому меняет наше отношение к герою и его судьбе.

В 2012 году в России прошла конференция «Социальные науки и литературоведение: актуальные возможности диалога», посвященная интересующему нас вопросу. Винфрид Флюк (Winfried Fluck), профессор Свободного университета в Берлине, вместе с Макеевым указали на тот факт, что «литературное произведение при всей его многозначности может служить достоверным источником сведений об экономических

ценностях определенного периода, а проецирование моделей разговора об экономических процессах на взаимоотношения персонажей позволяет делать ценные наблюдения и по-новому смотреть на привычные тексты» (Зубов 2013). Из романа «Игрок» мы узнаем и о валютной системе Европы XIX века, и о ее покупательной способности, и об одном из возможных способов приобретения денег – игре в рулетку. В таком смысле внутренний экономический анализ произведения становится источником сведений энциклопедического характера. А анализ доходов и расходов главного героя дает возможность посмотреть на произведения с другой стороны, со стороны «экономики» и, таким образом, дополнить имеющийся комментарий к этому тексту.

Думается, что такого рода анализ давно изученных текстов объединяет в себе различные гуманитарные аспекты. Изучение лишь денежных отношений даже в рамках одного произведения позволяет познакомиться как с культурой, историей, национальными особенностями страны, о которой идет речь, так и с экономическими явлениями, которые также служат источником знаний для тех, кто стремится как можно глубже погрузиться в социальную сторону создания произведения, в контекст жизни и творчества создателя культурных ценностей.

²³ Правда, разница лишь в том, что герой больше не служит учителем у Генерала, но он сам еще в начале истории от этого отказывается.

Литература

BENDIXEN, P., 2008. Kultūrinis ekonomikos pagrindas. In: *Kultūros politika. Straipsnių rinktinė*. Sud. G. ŽAIDYTĖ. Vilnius: Baltos lankos.

The New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics, 1999. Ed. M. WOODMANSEE, M. OSTEEEN. N.Y.; London: Routledge.

ВРАНГЕЛЬ, Н. Е., on-line. *Воспоминания: от крепостного права до большевиков. Дробовольческий корпус*. Режим доступа: <http://www.dk1868.ru/history/vrang3.htm#z41> [См. 24.03.2014].

ГРОНАС, М., 2002. О новой экономической критике как если бы о ней писал новый экономический критик. *Новое литературное обозрение*, № 58.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М., 1983. Письма 1832–1859. In: *Собр. соч. в 30 т.*, т. 28, Ленинград: Наука.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М., 1989. Игрок. In: *Собр. соч. в 15 т.*, т. 4. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М., 1985. Письма 1860–1868. In: *Собр. соч. в 30 т.*, т. 28, Ленинград: Наука.

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, П. А., 1978. *Практический аппарат самодержавной России XIX века*. Режим доступа: http://militera.lib.ru/enc/0/pdf/zayonchkovsky_pa01.pdf [См. 05.06.2013].

ЗУБОВ, А., 2013. Международная конференция «Социальные науки и литературоведение: актуальные возможности диалога» (15–17 марта 2012 г.). *Новое литературное обозрение*, № 120. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/120/z38-pr.html> [См. 14.11.2013].

МАКЕЕВ, М., 2008. *Николай Некрасов: поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики)*. Москва.

ПУШКИН, А. С., 1960. Евгений Онегин. In: *Собр. соч. в 10 т.*, т. 4. Москва: Государственное издательство художественной литературы.

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Библиотекарь.Ру. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/12/49.htm> [См. 20.01.2014].

Ingrida Kisieliūtė

Vilnius University, Lithuania

Research interests: the new economic criticism

LITERATURE AND ECONOMICS. ANOTHER WAY TO READ THE TEXT

Summary

At the end of the 20th century, the study of literature was supplemented by such new methods as biopoetics, geopoetics, new historicism, etc. The New Economic Criticism, a new approach to the literary text, was found in the United States in the late 20th century. The present article discusses the main aspects of the aforementioned area of the study of literature and as well presents the possible

approaches to literary texts from the economic perspective. The New Economic Criticism does not aim to become a method or tendency; thus, it gives the freedom for a researcher to choose the perspective on the relationship between the literature and economics. The above-mentioned kind of analysis may be found in the English-speaking countries; whereas, the Russian literature has still remained unconsidered; however, Russian scholars are attempting to look at their fiction through the eyes of an economist. In Lithuania, the kind of research has not been found yet. Therefore, the article suggests one of the possible economic approaches, i.e., the analysis of the financial practices of the protagonist of *The Gambler* by F. Dostoyevsky.

KEY WORDS: the new economic criticism, money, Dostoyevsky.

Gauta 2014 09 15

Priimta publikuoti 2015 01 15